

ВОСПОМИНАНИЯ И ИНТЕРВЬЮ

Вспоминая Р.Л. Берг

Э.В. Трускинов

ВНИИ растениеводства им. Н.И. Вавилова,
Санкт-Петербург, Россия; truskinov@yandex.ru

Исполнилось 100 лет со дня рождения Раисы Львовны Берг. Сравнительно не так давно её не стало. Бог мой! И моему поколению уже за 70. А давно ли это было, пора студенчества. Случайно узнал о заседании ВОГИС, посвящённом её памяти. Не утерпел, поехал в Университет: слишком сильно и ярко она запечатлелась и в моей памяти, хотя особо приближённым к ней никогда не был. Наоборот, был весьма удалённым от неё и того круга общения, который вокруг неё вращался, а среди этого круговращения было немало молодёжи. Слишком яркой звездой, личностью она являлась на фоне, в общем, довольно ординарной преподавательской среды, которая нас чему-то наставляла.

Немного и самокритично о себе, чтобы понять мою очень малую долю причастности к ушедшему уже в небытие юбиляру. Хотя такие звёздные фигуры, как она, не канут просто так в Лету. Свет их пребывания на земле ещё долго освещает оставшихся на ней, хотя бы в памяти. Впрочем, остаются какие-то изданные и неизданные труды, книги, которые кому-то ещё пригодятся, помогут жить, прибавят кому ума, кому — совести. Итак, я студент биолого-почвенного факультета, достигший третьего курса, когда надо определяться с кафедрой и дальнейшей специализацией. Именно к этому времени испытываю сильный духовный кризис, сомнения в отношении избираемой специальности, доведшие меня чуть ли не до ухода из Университета. Сюда я попал, можно сказать, некой волей случая. Хотел поступить в Медицинский без особого чувства призвания, скорее из чувства некоего воздаяния памяти отца, военного врача, погибшего на войне, которого я так и не узнал, родившись в марте рокового 1941 года. К экзаменам меня туда не допустили по состоянию здоровья. Посоветовали поступить в Университет на кафедру физиологии, что давало определённую возможность быть связанным с медициной. Поступил на вечернее отделение, переведясь на второй год на дневное. Тогда перевели целую группу парней, которым грозила армия. Мне она не грозила, но я тоже с большим трудом добился перевода, обратившись с письмом к ректору. Ректор в то время был замечательный — А.Д. Александров, и он позволил, даже не узнав,

кто я такой. Учился я сначала с большой охотой, но потом что-то она во мне увяла. На физиологию я однозначно отказался идти. Тому помог случай. Аудитория № 90, где иногда проходили занятия, находилась по соседству с кафедрой высшей нервной деятельности. В то время там был ремонт, и клетки с несчастными животными были выставлены на лестничную площадку. Их жуткий вид и зверский запах, который от них исходил и от которого я не мог избавиться долгое время, навсегда отвратили меня от мысли работать на этом поприще, а заодно от всех профессиональных медицинских иллюзий. Даже лягушку я не мог обездвигнуть, она обязательно выпрыгивала из моих рук. Считаю то, что я не стал физиологом, а тем более врачом, большое благо для меня и особенно для подопытных пациентов. Вечно иметь дело с болезнями, даже если они не свои, а чужие, не велика радость, зато какая ответственность. Нет, с растениями куда проще и гуманней — принцип «не навреди» здесь не имеет какого-либо фатального значения и летального исхода. Так в жизни получилось, что вышел я из Университета с дипломом биолога-ботаника и стал потом доктором наук и специалистом по оздоровлению картофеля от вирусных болезней. Лечить растения куда как комфортнее, чем животных и людей.

Тем не менее в тот период надо было как-то определяться со специальностью. В это время в большую моду входила генетика. Долгий период гонения на неё завершился. М.Е. Лобашёв читал нам уже курс классической генетики. Вскоре вышел первый его учебник, тогда ещё в темной обложке, сразу же разруганный в официальной печати. Все это придавало этому предмету ореол мученичества за научную истину, гражданского мужества и неконформизма. К тому же уже тогда генетика представлялась очень интересной и перспективной наукой. Но вот беда: опять скверный, гнилостный запах разлагающейся среды для дрозофил, которым был пропитан первый этаж кафедры генетики. А ведь надо было, хотелось идти именно туда, но я колебался. В итоге набор туда состоялся, а я оказался ни при чём. И тут возникла идея с кафедрой дарвинизма, где вроде с дрозофилой тоже занимались, но без соответствующих и сопутствующих ей ароматов.

И вот я сижу перед женщиной, очень внешне эффектной, не молодой, но молоджаво выглядящей (в то время ей было лет 50), с седыми, гладко зачёсанными назад волосами. Особый эффект придавали ей красивые, породистые ноги, вздетые на ногу. Кто-то в своих воспоминаниях отмечал это, как и то, что она носила слишком короткие для того времени юбки. Надо сказать, что эти ноги мне запомнились как-то особенно, они меня явно отвлекали от того, что она мне тогда говорила. По крайней мере, запомнились мне тогда не её речи, а она сама и её ноги. Возможно, из-за них я чувствовал какую-то неловкость, и вместе с тем ощущение того, что она хотела произвести на меня впечатление не только как ментор, но и как женщина. И перед кем, каким-то жалким студентом.

Ну а далее были лишь отдельные эпизоды, которые запомнились какими-то вспышками памяти, где она является главным её возбудителем. Как ни странно, но учебные занятия с ней не оставили у меня в этой памяти какой-то глубокой зарубки. И дело, конечно, не в ней, а во мне самом. Семинары её я фактически не посещал. Больше мне и тем, кто учился тогда на кафедре, запомнились семинары на дому у К.М. Завадского. Мы были «последние из могикан» этой кафедры, после нас она вскоре закрылась как самостоятельное подразделение биофака, слившись с кафедрой геоботаники. Практикум с дрозофилой под её началом также не показался мне слишком интересным. Для меня в общем это было довольно унылое занятие, ничего особенного я в нём

Раиса Львовна Берг
(1913–2006)

не находил, как и тех мутаций, которые должен был искать в тех популяциях, которые она, видимо, исследовала. Как-то сказал ей, что это, наверное, какое-то исключительное событие, что она, кстати, охотно подтвердила. Более интересными были занятия с ней по наследственным болезням человека. Готовились по медицинской энциклопедии. Об интересе её к генетике человека можно было тогда догадываться лишь по некоторым её высказываниям типа того, что хорошо бы скрестить эту человеческую особь с конкретной другой. При этом указывались конкретные персоналии из её и нашего окружения. Её явно интересовало, какое потомство от них бы получилось. Конечно, это было в форме шуток. Вообще от неё можно было услышать много интересного о вещах самых разных, о жизни, о людях. Обо всём и обо всех у неё было своё, непривычное для многих мнение. О формуле Ф. Энгельса, что жизнь есть способ существования белковых тел: «Боже, какая скучища!» О некоторых известных среди студентов преподавателях были тоже весьма неллицеприятные

отзывы. Так, о Б.П. Токине: «Нашли о ком говорить, это шут гороховый. Если бы вы знали настоящих учёных, которых посчастливилось знать мне, — В.И. Вернадского, Н.И. Вавилова...» Токин действительно внешне чем-то напоминал комичного персонажа из шекспировской «Двенадцатой ночи» в исполнении артиста В.В. Меркурьева. При всём этом она оставалась вполне человеческой, не строившей из себя матрону. При желании с ней можно было поговорить любому и обо всём. Как-то к ней пришла какая-то девушка-калека, видимо, из знакомых ей студенток. Жаловалась на свою судьбу, и тут же: «Какая Вы счастливая, Раиса Львовна!» В ответ: «Ну, что вы, девочка, какая я счастливая, вот и муж меня бросил». При внешней гордости её характера это было какое-то неожиданное, по-человечески, по-женски трогательное признание.

Вспоминая Раису Львовну и свои студенческие годы, не могу не коснуться того времени, на которое выпала моя учёба. Это были 60-е годы прошлого уже века. Политическая оттепель фактически прошла, Хрущёву недолго оставалось править. Он уже порядком надоед как верхам, так и низам своим волонтаризмом и непоследовательностью во многих сферах жизни, в политике, экономике, сельском хозяйстве, культуре, науке. Ему во многом был обязан Т.Д. Лысенко своим долголетним пребыванием на академическом олимпе, хотя многим уже было ясно, что его время прошло. Видимо, это начинал понимать и он сам. Где-то незадолго до падения Хрущёва и своего Лысенко выступил с пространной статьей в газете «Правда», где как будто несколько отошёл от своей прежней шельмовальной позиции в отношении генетиков и других биологов, не принявших его бредовых догм. Это, видимо, как-то ободрило некоторых учёных. Так, завкафедрой гидробиологии Н.Л. Гербильский воспылал желанием поделиться

своими соображениями и надеждами, что в советской, официозной, мичуринской, считай лысенковской, биологии что-то стало меняться к лучшему, если её вожак понемногу сдаёт свои закоренелые позиции. Он пришёл на кафедру дарвинизма поделиться этими своими иллюзиями. Было собрано что-то вроде семинара, где докладчик попытался разобраться в общем-то пустословных дебрях лысенковского газетного опуса. Присутствовали как члены кафедры, так и заинтересованные гости со стороны. После изложения доклада с достаточно оптимистическим выводом о якобы позитивных сдвигах в научном сознании Трофима Лысенко, не дав никому опомниться, на докладчика со всей страстью и темпераментом борца с обскурантизмом в науке обрушилась Раиса Львовна. Из всего, что она наговорила, запомнилось лишь то, что она сравнила эту статью с навозной кучей, в которой Гербильский тщетно пытался найти и извлечь жемчужное зерно, которого там не было и быть не могло. Речь эта показалась некоторым не слишком корректной, посыпались в её адрес упреки. И тут я, не совсем разбираясь в сути спора, помнится, не вытерпел и подал свой робкий, дрожащий голос. Не вдаваясь в то, было ли что позитивного в статье Лысенко или нет, как можно морально защищать человека, по чьей вине были порушены жизни и судьбы стольких достойных учёных и закрыто целое направление биологической науки — генетика? Тогда мы уже в этом вопросе были просвещены, и в немалой степени, благодаря лекциям М.Е. Лобашёва и общению с Р.Л. Берг. Похоже, наши с ней выступления были тогда единственными, которые как-то противостояли не очень убедительной апологетике Лысенко со стороны докладчика и других, выступавших в том же духе.

Возможно, после всего этого как-то пробудился мой интерес к дискуссионным проблемам науки, в частности к проблеме наследования приобретённых признаков, отношению к ней последователей А. Вейсмана и Ж.-Б. Ламарка, так называемых «формальных» генетиков и «неформальных» антигенетиков, в числе которых были тогда все лысенковцы. Своим ещё не совсем зрелым умом я пытался как-то совместить эти фундаментальные антиконцепции, считая, что все признаки были когда-то так или иначе приобретены и уже поэтому не могли не наследоваться. Пытался их разграничить на безусловно и условно наследственные, мутации и длительные модификации. История этого вопроса была не только интересной, но и исполненной известного драматизма. Были даже свои жертвы. Так, покончил с собой П. Каммерер, который доказывал такое наследование, но был обвинен в фальсификации опытов. Словом, было над чем размышлять, было много вопросов и слишком мало ответов. Тем не менее я подготовил реферат на эту тему, который кто-то из сокурсников совсем не по моей воле вынес на заседание кафедры генетики, дав соответствующее объявление и выдав меня за ученика Р.Л. Берг. Доклад я зачитывал по написанному тексту, длился он два часа с перерывом и, конечно, достаточно утомил публику и докладчика тоже. Я был подвергнут суровой критике со стороны преподавателя (Л.З. Кайданова) и получил первый заслуженный урок за свое излишнее вольнодумство и недостаточную научную компетентность. Самое интересное, что спустя много лет тот же человек в одной из статей по мобильным генетическим элементам, которым тогда стали уделять большое внимание, пришёл примерно к тому же, за что критиковал когда-то зелёного студента. Несколько лет тому назад в ВИРе выступал довольно известный учёный из Института общей генетики, всё на ту же тему наследования приобретённых признаков. Данные эпигенетической, горизонтальной наследственности свидетельствовали как будто о том, что такое возможно, а значит, Лысенко был в этом вопросе не так уж неправ.

Тут явные подмена и передержка понятий. То, что примысливал Лысенко, было не более чем перепевом старых ламаркистских воззрений на природу изменчивости и наследственности как адекватной реакции на те или иные условия воздействия внешней среды. Никаких генетических механизмов здесь не предусматривалось. Достаточно было фактора влияния, воспитания. Но так называемые вегетативные, прививочные гибриды, если вообще они были, это совсем не то, что истинные соматические гибриды с настоящим слиянием клеточных протопластов. Если и удалось теперь управлять наследственностью, чего так добивался Лысенко, то не лысенковскими же методами. И тем не менее, именно в последние годы во всякого рода ненаучных и квазинаучных источниках снова стали воскрешать эту личность, возводя его аж в «рыцари науки». Хорош рыцарь, угробивший целое научное направление и лучших его представителей. Все это логично укладывается в воскрешение у нас автократии, включая моральную реабилитацию И.В. Сталина и его режима. Немудрено, что кое-кто опять вспоминает с ностальгией того же Лысенко, сталинского академика и любимца. Отсюда логично и то, что если так хороши эти исторические фигуры, то, значит, недостойны и плохи их жертвы. Такого рода выступления также уже имеют место, например, в отношении Н.И. Вавилова.

Последние два года моего пребывания в Университете уже прошли без Р.Л. Берг. В 1963 г. она уехала в Новосибирск, в Академгородок. Тогда туда же уехал и ректор ЛГУ А.Д. Александров. В Сибирь перебирались в то время творчески наиболее талантливые и созидательные, креативные, как теперь говорят, научные силы. Мне же довелось впервые познакомиться с ВИРОм, пройти курсовую практику на опытной станции под Майкопом, под руководством известного ботаника Е.Н. Синской, которая была ближайшей сотрудницей Н.И. Вавилова. Тем не менее, я все ещё шараялся в выборе дальнейшего пути в науке. Дипломную работу делал в Колтушах, в Институте физиологии по радиационной генетике на дрожжах. По окончании Университета тоже отправился в Сибирь, только не заниматься наукой, а учительствовать в довольном глухом уголке Красноярского края. В тот год многих выпускаемых с биофака студентов распределяли учителями в сельские школы, хотя преподавательской практики никто из нас не проходил. Можно было устроиться поблизости, в Ленинградской области, но из принципа решил ехать в сибирскую глушь. Привлекал туда ещё и романтический песенный флер: «Туман тайги и белый снег берез...» Тогда мы были ещё во многом романтики, не в пример нынешней молодёжи. Впрочем, из всего моего выпуска в Сибирь в школу поехал, по-моему, один только я. Проработал там полтора года, понял, что это не моё, и вернулся. И всё же это время не считаю потерянным, тот край мне дал нечто такое, чего я никогда бы не знал, не испытал, живя дома.

Завершая воспоминания о Р.Л. Берг, которые во многом явились воспоминаниями о себе самом, помню, что видел её ещё однажды, видимо, уже после её возвращения в Ленинград. По-моему, это было в Университете на какой-то встрече студентов. Меня представили как одного из её учеников с кафедры дарвинизма. Но она меня не признала, причём, похоже, по принципу рассказанного о ней анекдота: «Раиса Львовна, Вы почему со мной не здороваетесь? Вы меня не узнали? Узнала, потому и не здороваетесь». Впрочем, может быть, действительно не узнала, но выдавал тон. Если и узнала, то, видимо, я был из тех, кто не оправдал её надежд. Меня это никак не задело и не обидело. Я действительно не заслужил её признания, ибо оказался не тем учеником на её пути, о котором стоило вспоминать. Но тем, кто знал или как-то соприкасался с Раисой Львовной, невозможно не помнить, не вспоминать её, в общем, с восхищением.

Восхищением яркостью её природы и всей её жизни. Читая её книги, слушая воспоминания о ней, ещё более постигаешь не только интеллектуальную, но и нравственную глубину её характера, наряду с присущей только ей оригинальностью мышления и поведения. Если можно женщину возводить в рыцарство, то вот уж действительно рыцарь без страха, но, увы, не без упреков, которых выпало на её долю немало. Такие личности, как она, не забываются, и помнить о ней будут очень долго, если не вечно.

Remembering Raisa Berg

ERNST V. TRUSKINOV

All-Russian N.I. Vavilov Research Institute of Plant Industry,
St. Petersburg, Russia; truskinov@yandex.ru

The memories of Ernst Truskinov, a leading research fellow of the All-Russian N.I. Vavilov Research Institute of Plant Industry, about Raisa L'vovna Berg (1913–2006), the famous geneticist, and his interactions with her at the University.

Возрождение отечественной генетики глазами очевидца и участника: интервью с академиком РАН В.А. Драгавцевым*

С.В. ШАЛИМОВ

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия; sshal85@mail.ru

Статья представляет собой интервью с известным отечественным генетиком академиком РАН В.А. Драгавцевым. В.А. Драгавцев — бывший директор Всероссийского института растениеводства им. Н.И. Вавилова РАСХН, бывший учёный секретарь Научного совета по проблемам генетики и селекции АН СССР. В процессе обсуждения затрагиваются проблемы возрождения отечественной генетики в «послелысенковский» период, начиная со второй половины 1960-х гг. В частности, В.А. Драгавцев повествует о развитии международных научных связей советских генетиков в рассматриваемые годы. В интервью поднимаются также вопросы о засилье «лысенковцев» в научно-образовательных и партийно-государственных структурах. Наряду с этим большое внимание уделено отдельным ведущим научным центрам в области генетики. В частности, В.А. Драгавцев повествует о своём опыте работы в Институте цитологии и генетики СО АН,

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12-33-01295.